

Крыленко Николай Васильевич

**Суд и право в СССР. Теоретический и
практический комментарий к основам
судоустройства, судопроизводства и
материального уголовного права СССР**

Часть 1

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
Суд и право в СССР. Теоретический и практический комментарий к основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР: Часть 1 / Крыленко Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 164 с.

ISBN 978-5-519-91334-8

ISBN 978-5-519-91334-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Конституции и создавать что-либо иное, кроме «Основ». В «Основах», таким образом, подлежат изложению лишь *руководящие принципы* построения работы судебных учреждений каждой из союзных республик, от которых затем эти союзные республики не в праве отступать в своей деятельности. Но не более. А это значит, — и в этом третий вывод из тех же статей Конституции, — что *для практической работы* разбираемые нами «Основы» получают первостепеннейшее значение, но лишь как документ, к которому нужно и должно обращаться суду всякий раз, когда в его практической работе суд встанет перед каким-либо практическим затруднением. Мы знаем, что суд обязан по нашему Уголовно-процессуальному кодексу вынести приговор при рассмотрении им уголовного дела (гражданский процесс этот вопрос решает иначе) и не в праве под предлогом неясности в законе откладывать свое решение. В этих случаях «Основы» и должны послужить для него тем источником, к которому он в праве будет непосредственно обращаться всякий раз, когда действующий республиканский закон в своем тексте не дает точного ответа на вопросы практической деятельности. «Основы» в этих случаях должны послужить для судебного работника тем последним и наиболее авторитетным практическим указателем, к которому он должен обращаться для разрешения своих недоумений.

Этим в достаточной степени характеризуется практическое значение «Основ», но не разрешается, однако, весь вопрос. Остается еще один чрезвычайно важный в практическом отношении вопрос, возбуждающий в настоящее время не мало споров. Этот вопрос, злободневный в настоящее время, формулируется следующим образом: являются ли тем не менее для нас «Основы» в полной мере и всюду действующим законом или только источником права, в частности, сейчас, пока уголовные кодексы отдельных республик еще не согласованы с этими «Основами», и как быть, если между «Основами» и действующим в республике кодексом суд обнаружит прямое противоречие и несогласованность?

Что это вопрос отнюдь не пустяковый, что он в практической работе уже теперь встает ежедневно перед нашим судом и, нет никакого сомнения, будет вставать и в дальнейшем, доказывается хотя бы рассмотрением следующего примера, имеющего место сейчас, скажем, в РСФСР. Известно, что, согласно примечанию к ст. 33-й нынешнего Уголовного Кодекса, расстрел, как исключительная мера самозащиты государства от общественно-опасных действий, применяется во всех тех случаях, когда в тексте закона в качестве карательной санкции статей особенной части нашего У. К. указана высшая мера социальной защиты. Действующий Кодекс указывает эту высшую меру; как карательную санкцию, и по таким статьям, как 2-я часть 113-й статьи, за «присвоение особо-важных для государства ценностей», и по 2-й части

184-й статьи, карающей за разбой, и по 2-й части 106-й статьи, карающей «превышение власти, сопряженное с особо-мучительными в отношении пострадавшего действиями», и т. д.; с другой стороны — принципиальная статья «Основ», определяя общие пределы применения расстрела, как исключительной меры, говорит, что расстрел может иметь место *лишь* по делам о преступлениях, которые *«непосредственно угрожают основам советского строя»*. Совершенно ясно, что нельзя признать угрожающим основам ни присвоение кем бы то ни было каких бы то ни было особо важных ценностей, ни какое угодно превышение власти, хотя бы и совершенное с особым мучительством для потерпевшего, ни, наконец, отдельные случаи разбоя, какими бы последствиями они ни сопровождались. Практически вопрос стоит поэтому следующим образом: как должен поступить в таких случаях суд, поскольку он имеет, с одной стороны, действующий опубликованный в Собрании Узаконений текст «Основ», а с другой стороны — действующий и никем не отмененный Кодекс? Этот практический вопрос, в свое время возбуждавший не мало прений в руководящих законодательных учреждениях нашего Союза, представляется, однако, формально разрешенным постановлением Президиума ЦИК'а Союза, вменявшим всем союзным республикам в обязанность *переработать свои кодексы в соответствии с принятыми ЦИК'ом Союза «Основами»*. До тех пор, согласно прямого постановления Президиума ЦИК'а Союза, остаются действующими *прежние кодексы*, что, конечно, уже никак не может означать, что эти статьи, противоречащие «Основам», являются отмененными. Мало того, несмотря на то, что глава о воинских преступлениях «Основами» принята на сессии ЦИК'а Союза как закон, подлежащий без малейшего изменения включению в кодексы союзных республик, тем не менее, трибуналы продолжают применять до сих пор уголовные кодексы отдельных республик и находящуюся в них главу о воинских преступлениях, хотя текст этой главы значительно расходится с текстом статей раздела о воинских преступлениях, принятым сессией ЦИК'а Союза.¹ Категорически должно быть, таким образом, установлено, что «Основы» не могут быть признаны нами действующим законом в полном смысле этого слова. Это следует из формального принятого ЦИК'ом постановления, это следует и из текста ст. 1-й Конституции, это следует и из текста ст. 3-й, ограничивающей компетенцию Союза Республик лишь пределами ст. 1-й, как таковой. Это следует, наконец, и из той исторической справки, что в свое время, при разработке

¹ Последнее в настоящее время, однако, уже особым постановлением Президиума ЦИК'а Союза изменено, и глава о воинских преступлениях объявлена вступившей в силу с момента ее принятия сессией ЦИК'а Союза в октябре 1924 года.

Конституции Союза, была попытка отнести к компетенции общесоюзного законодательства не только «Основы» гражданского и уголовного права, но и непосредственно *все* гражданское и уголовное законодательство. Эта попытка была руководящими органами Союза отвергнута, и в Конституцию вошла статья, которая говорит, как об общесоюзном законе, только об «Основах», а отнюдь не о подробно разработанном сборнике уголовных или гражданских норм. Последние издаются лишь союзными республиками.

Наш окончательный вывод, таким образом, следующий: рассматриваемые нами «Основы» в их практическом значении для судебного работника должны быть восприимчивы лишь как руководящий источник, к которому должно обращаться суду тогда, когда ему нужно выяснить дух законодательства отдельной союзной республики, а отнюдь не как действующий закон. Мало этого, при наличии противоречий между «Основами» и действующим текстом закона, суд в праве указанным для этого в законе способом довести до сведения кого следует об имеющемся противоречии между текстом закона и «Основами»; он не в праве, однако, не применять закона только потому, что усмотрел противоречие его с «Основами». Он обязан, однако, по нашему мнению, принять во внимание указание «Основ» и в своем конкретном решении *искать компромисса в пределах предоставленных ему прав* для согласования и устранения коллизий. Можно, впрочем, полагать, что по мере издания согласованных кодексов этого рода печальные явления исчезнут.

Мы не можем, однако, приступая к рассмотрению и изучению «Основ», ограничиться только этого рода общими замечаниями и полагать, что сами «Основы» так, как они приняты ЦИК'ом Союза, представляют собой уже внутренне согласованный и в достаточной степени разработанный и законченный памятник. Нам придется подвергнуть «Основы» критике как с точки зрения редакционной обработки, так, иной раз, и с точки зрения принципиального содержания отдельных статей. Текст принятых сессией ЦИК'а Союза «Основ», в свою очередь, явился результатом чрезвычайно обостренной борьбы, имевшей место на сессии ЦИК'а Союза между двумя в достаточной степени резко разошедшимися точками зрения, отразившими две определенные линии практической политики. «Основы» явились первым законом, который приняла сессия ЦИК'а Союза в развитие и дополнение ст. 1-й Конституции. Молодость нашей Союзной Конституции, молодость всего нашего Советского Союза привела к тому, что две основные тенденции, или принципа, на которых построена вся Конституция, а именно: с одной стороны, тенденция создать из нашего Союза мощное единое государственное целое, которое смогло бы не только противостоять, как мощная сила, нападению извне со стороны буржуазных государств, но в равной сте-

пени представляло бы собой достаточно сильный аппарат для проведения в жизнь основных идей коммунистического строительства, и, с другой стороны, обратная тенденция — так построить государственный аппарат Союза, чтобы он в полной мере и при всех условиях обеспечил бы достаточную самостоятельность всех входящих в Союз республик, ни в чем не затрагивая ту область их национальной самостоятельности, которая предоставлена им Союзной Конституцией, — обе эти тенденции, централистическая и децентралистическая, выявились в достаточной степени резко в этом первом опыте построения юридических норм, регулирующих жизнь всего Союза. Борьба их обеих нашла свое отражение и в тексте «Основ», иной раз даже в ущерб практическим задачам судебного строительства, которые стояли перед сессией. Сторонники обеих точек зрения в пылу борьбы не раз забывали или, во всяком случае, в своем сознании отодвигали на второй план эти задачи практического строительства, что не могло не отразиться на тексте самого закона. Впоследствии, при подробном анализе отдельных статей разбираемого памятника, мы укажем на эти увлечения обеих сторон и на те практические отрицательные результаты, которые от этого могут воспоследовать.

Второй причиной, по которой, равным образом, разбираемый нами документ отнюдь не может быть признан полностью и целиком внутренне согласованным и вполне отвечающим тем основным идеям и принципам, которые вообще являются руководящими для советской пролетарской политики в области судебной организации, являлся тот факт, что «Основы» должны были создаваться рабочим классом в момент, когда вся совокупность объективных жизненных условий, в которых он действовал, представляла собой клубок противоречий. Это уже, впрочем, не вина «Основ», а скорее их беда. Не в первый раз приходилось Советской пролетарской власти сталкиваться с такого рода противоречиями в своей законодательной деятельности и эти противоречия отражать в ней. Вся совокупность тех явлений нашей политической и хозяйственной жизни, которые охватываются общим понятием — новой экономической политики, — отражая определенный этап советского строительства, представляет собой противоречие, основным ядром которого является факт, что рабочему классу приходится развивать производительные силы своей страны помощью принципов и начал, отнюдь не всегда типичных для социалистического порядка.

Этот факт не мог не отразиться на «Основах». В еще большей степени это противоречие найдет свое отражение в еще не выработанных, но долженствующих быть выработанными «Основах» нашего гражданского права. В разбираемом памятнике эти противоречия сказались в принципиальных уступках старым идеям буржуазного строя не

только при построении отдельных институтов, как, например, коллегии защитников, но и в уступках в более серьезных областях, когда приходилось, взамен наиболее простой, наиболее ясной и доступной для населения системы судебных мест, создавать пеструю систему различных судов со сложными формами их взаимоотношений, кассационным и административным контролем, или когда приходилось, при построении прокурорского надзора, проводить принцип чрезвычайной административной централизации, противоречащей в корне началам строения местных органов советского государства.

В этом сказались, однако, как мы сказали выше, противоречия самой эпохи, и объяснять допущение таких отступлений только принципиальной невыдержанностью законодательного творчества нашего Союза, конечно, нельзя. Тем не менее, даже в той форме, в какой, в конце концов, получились «Основы», мы должны признать их исключительными по богатству своего принципиального содержания, дающими не только итоги всего того, к чему пришла Советская власть за семь лет своей практической работы, но и памятником, который на долгое время должен будет послужить руководящим для всей нашей судебной советской работы в будущем.

В предлагаемом труде мы хотим дать нашим работникам посильный теоретический и практический комментарий к опубликованным «Основам». Поскольку нам лично приходилось работать над ними во всех стадиях их предварительной разработки, мы хотим дать в этом труде попытку их теоретического обоснования и постатейного практического комментария к ним. В соответствии с тремя основными памятниками, принятыми сессией ЦИК'а Союза, обнимающими основы судостроительства, основы судопроизводства и основы уголовного права, предлагаемый труд будет распадаться на три основные части, обнимающие комментарии к этим трем основным актам. Именно поэтому мы и озаглавили его общим названием «Суд и право в СССР» — теоретический и практический комментарий к принятым сессией ЦИК'а Союза «основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права Союза ССР».

Мы льстим себя надеждой, что наш труд не будет признан бесполезным для наших судебных работников.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Основы судоустройства СССР». — Статья 1-я «Основы судоустройства СССР». — Защита завоеваний революции, как основная задача советского суда. — Суд в буржуазном государстве и в советской республике. — Суд, как орган принуждения в классовом государстве. — Принцип «независимости» суда от государства. — Суд и ВЧК. — Иные задачи суда.

Основы судоустройства Союза ССР так, как они приняты сессией ЦИК'а Союза, начинаются со статьи, определяющей общие задачи суда в Советском Союзе. Эта статья «Основ» указывает, что задачами суда являются: «а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного, б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений, в) укрепление общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание; г) осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан». Такова основная принципиальная, декларативная и руководящая статья. Она отсутствовала, однако, в первоначальном тексте, предложенном Союзным Совнаркомом на рассмотрение и утверждение сессии ЦИК'а Союза. Текст Совнаркома начинался прямо с нынешней второй статьи «Основ», излагающей строение нашей судебной системы в целом. Статья 1-я вставлена сессией ЦИК'а Союза по прямому настоянию работников юстиции РСФСР, категорически отстаивавших необходимость такой декларативной статьи о задачах суда. Не нуждается в особых доказательствах правота товарищей, которые настояли на включении этой статьи. Иначе, как именно с такой первой общей статьи, декларирующей основные задачи суда, конечно, и не может начинаться изложение «Основ» судоустройства Советского Союза. Внесение этой статьи было целесообразно уже потому, что имелись противники этой статьи, полагавшие, что в настоящий момент уже нет нужды в такой декларации. Нет никакого сомнения, что здесь говорили соображения, не чуждые некоторого политического привкуса.

В первоначальном проекте «Основ», явившемся результатом работ особой Конституционной Комиссии, избранной Президиумом ЦИК'а Союза,

эта статья фигурировала; она была исключена в момент, когда разработанный проект поступил на рассмотрение Комиссии Законодательных Предположений при Союзном Совнарком. За формальным вопросом, нужна или не нужна такая декларативная статья, скрывалась совершенно определенная политическая борьба. В то время для работников-практиков, из которых состояла в большинстве Конституционная Комиссия, внесение такой статьи должно было явиться средством борьбы при помощи этой статьи против враждебных советской юстиции тенденций старых судебных работников, — для их противников исключение ее представлялось бы, конечно, определенным политическим достижением. Сессия ЦИК'а Союза, вновь включившая эту статью, правильно учла этот прикрытый политический спор, и постановкой всех точек над *i* в этой 1-й статье ясно и точно формулировались те основные цели, во имя которых должен работать и будет работать советский суд.

Статья 1-я, трактующая об этих задачах суда, является в высокой степени важной еще и потому, что, пожалуй, является единственной в наших исторических памятниках статьей, которая с исчерывающей полнотой отразила все задачи, которые преследует советский суд, и этим разрешила спор об этих задачах, который, то в отчетливой форме, то в скрытой форме, не раз возгорался в среде практических судебных работников РСФСР. Сущность этого спора сводилась к разрешению проблемы о том, что должно быть поставлено во главу угла судебной работы: карательная ли деятельность суда как органа, призванного ограждать данный социальный правопорядок от покушений со стороны отдельных лиц или враждебных этому правопорядку классов, или же сущность суда должна быть определена как определенная политическая работа, которая совершается судом в отношении массы населения путем пропаганды новых правовых идей, агитационного воздействия на эти широкие слои и, наконец, путем непосредственного вовлечения масс в судебную работу в качестве нарзаседателей.

Статья 1-я «Основ», ставящая именно пунктом «а» *ограждение завоеваний прелетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного*, разрешает этот спор целиком и полностью в пользу первой точки зрения, в определенной последовательности располагая затем вслед за этой задачей все остальные задачи, которые могут быть достигаемы при помощи суда. В этой последовательности мы и будем рассматривать каждую из этих задач, стараясь одновременно вскрыть исчерывающим образом всю полноту содержания каждой из них.

Впервые формулу того, что задачей суда является ограждение завоеваний пролетарской революции, мы имеем в известной статье 8-й декрета № 1 о суде, где одновременно с изложением организационных принципов строения судебных учреждений молодой Советской Республики непосредственной задачей революционных трибуналов были указаны: ограждение завоеваний пролетарской революции, борьба против контр-революционных сил и всех тех, кто на эту революцию посягает. Из того, что эту задачу закон возложил параграфом 8-м на специальные суды, отнюдь, конечно, не следовало, что охрана интересов революции была специфической функцией трибуналов и что в соответствии с этим основной задачей суда нетрибунального, общего суда должны были явиться иные функции, а не ограждение завоеваний пролетарской революции. Явная неверность этой точки зрения может быть обоснована как исходя из общих принципиальных воззрений марксизма на существо классового общества, так, и еще ценнее, непосредственно цитатами из речей и сочинений В л а д и м и р а И л ь и ч а.

В целом ряде речей В л а д и м и р И л ь и ч категорически указывает именно на эту задачу, как на основную задачу суда, при чем часто в форме, которая казалась преувеличенной и чрезмерной по своей разкости даже многим из его ближайших сотрудников. Мы позволим себе в дальнейшем изложении напши принципиальные утверждения одновременно подкреплять этими цитатами.

Азбучно́й истиной представляется для каждого судебного работника сейчас то положение, что в классовом обществе вообще нет и не может быть ни одного института (учреждения), который бы не ставил в той или иной форме себе тех основных задач, которые преследует в целом всякая государственная власть в классовом обществе, а именно — подавления враждебных ей классов и поддержания существующего, установленного в этом обществе социального правопорядка. Суд, как одно из наиболее могучих орудий репрессии, являлся в этом отношении одним из ценнейших орудий в руках господствующего класса. Эта истина сделалась в настоящее время, как мы выше сказали, азбучной. С ней, однако, совершенно не вяжется представление о суде как об институте, который бы имел первой и основной задачей что-либо иное, а не прямое подавление борющихся против данного порядка классов. Сам Уголовный Кодекс, представляющий собой не что иное, как ряд норм, запрещающих те или иные действия под страхом прямой репрессии, — этим одним наглядно иллюстрирует именно эту, а не какую-либо иную функцию суда.

Эту истину и одновременно теснейшую связь деятельности суда в классовом обществе с интересами господствующего класса В л а д и

м и р И л ь и ч выразил в чрезвычайно выпуклой и резкой форме в своем известном письме, напечатанном в революционно-социалистической прессе еще в 1917 году в момент, когда, будучи привлечен к уголовной ответственности за свою деятельность против правительства Керенского, уклонился от суда и затем в открытом письме мотивировал принципиальный отказ предстать перед буржуазно-демократическим судом.

В ответ на обвинение либеральных фразеров в желании уклониться от ответственности В л а д и м и р И л ь и ч писал в письмо в редакцию «Пролетарское Дело» от 18 июня 1917 года: «Переверзев¹ открыто признает, что он пустил в ход непроверенные обвинения,² *дабы поднять ярость солдат против нашей партии.* Это признал вчершний министр юстиции, человек, вчера еще называвшийся социалистом. Переверзев ушел, но остановится ли новый министр юстиции перед приемами Переверзева, никто сказать не возьмется. . . *Отдать себя сейчас в руки властей — значило бы отдаться в руки Милюкова, Алексинского, в руки разъяренной контр-революции, для которой все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне.* После происшедшего ни один русский революционер не может питать больше конституционных иллюзий. . . Мы будем по мере сил наших помогать революционной борьбе пролетариата». ³ (Курсив наш. Н. К.).

В условиях гражданской войны, хотел этим сказать В л а д и м и р И л ь и ч, суд действует как орган класса, интересы которого он обслуживает, к которому он по своему составу принадлежит, и поверить этому суду — значило бы отдать себя заведомо в руки врагов, для которых все это лишь «эпизод в гражданской войне».

Ту же самую мысль еще резче подчеркнул В л а д и м и р И л ь и ч в письме к рабочим Европы и Америки, помещенном в XVI томе его сочинений, по поводу событий в Германии. «Эти герои филистерского тупоумия и мещанской трусости, — пишет он о вождях социал-демократии, меньшевиках Западной Европы, — не понимают даже того, что суд есть орган государственной власти, а борьба и гражданская война в Германии идут как раз из-за того, в чьих руках будет эта власть». ⁴

Такого рода воззрения на природу суда, однако, не являются для В л а д и м и р а И л ь и ч а, как не являются и для всякого последовательного марксиста, воззрением, определяющим такую природу суда лишь

¹ Бывший тогда либерально-демократический министр юстиции. Н. К.

² Обвинения Владимира Ильича в шпионаже. Н. К.

³ В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 177, изд. 1923 г.

⁴ В. И. Ленин. Собр. соч., том XVI, стр. 10, изд. 1923 г.

в период гражданской войны. Такова природа суда вообще, во все моменты его деятельности, независимо от степени остроты классовой борьбы в каждый данный момент. В период острой гражданской войны эта его классовая сущность лишь более обнажается и лишается всех тех скрывающих ее мантий и одежд, в которые ее кутают буржуазные идеологи. Достоинством Советской власти, которое всегда признавалось за ней и ее врагами, является то, что она никогда не прибегает к лицемерным ухищрениям и всегда говорит то, что есть.

У В л а д и м и р а И л ь и ч а мы находим ряд указаний на то, как ставит Советская власть вопрос о задачах суда в отношении своих классовых врагов, независимо от условий переживаемого момента. Мы начнем с цитаты, трактующей, прежде всего, о методах борьбы Советской власти с ее врагами вообще. На заседании комфракции всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. В л а д и м и р И л ь и ч сказал по адресу контр-революционной буржуазии:

«Вы вызвали нас на борьбу в самой отчаянной форме в октябре; в ответ на это мы выдвинули террор и тройной террор, а если еще потребуется, если вы нас вынудите, — выдвинем еще. Ни один рабочий, ни один крестьянин не сомневается в том, что террор против врагов трудящихся необходим. Кроме интеллигентских кликуш, никто в этом не сомневается».¹

Л е н и н выдвигает тут террор как одно из средств, к которому должен прибегать для защиты трудящихся рабочий класс. Однако, этот террор, по его словам, в первую голову, как свою прямую функцию, призван осуществлять суд и именно суд.

Характерна в этом отношении цитата из речи на IX Съезде Советов, в которой В л а д и м и р И л ь и ч как раз проводил параллель между ВЧК и судом:

«ВЧК... это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди; вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК... Но, вместе с тем, мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота, согласно нашей

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 12, изд. 1923 г.